

Об этой книге

Эта книга — о том, как художественный опыт (главным образом, литературно-авангардный) взаимодействовал на протяжении последних ста лет и продолжает взаимодействовать в наши дни с научными (лингвистическими) и философскими представлениями о языке. О трансферах — межкультурных, междискурсивных и междисциплинарных — между лингвистикой, поэзией и поэтикой. В XX в. научная мысль развивается более или менее синхронно с художественным экспериментом, иногда опережая его, а иногда наследуя ему. Одни и те же языковые процессы и процедуры характеризуют как парадигмы языкознания (формализм, структурализм, дескриптивизм, генеративизм, когнитивизм, концептуальный анализ, логический анализ, дискурс-анализ), так и сопутствующие им в культурном пространстве стратегии литературного авангарда.

Лингвистический поворот, объявленный Р. Рорти в 1960-е гг. [The Linguistic Turn 1967], совпал с эпохой языковых экспериментов в литературе. В действительности, таких «лингвистических поворотов» на протяжении века было несколько (например, явно отличаются друг от друга «формальный» поворот 1910-х, «генеративный» поворот 1950-х

и «концептуальный» поворот 1960–90-х; ср. также с лингвистическими поворотами в историографии [Потапова 2015] и в философии [Losonsky 2006]). В современной науке о культуре также говорят о множественных «поворотах», как то: интерпретативный, перформативный, иконический и т. п. [Bachmann-Medick 2016 (2014)]. Мы демонстрируем неслучайность этих совпадений и выделяем множественные трансферы между отдельными идеями и концепциями языка в науке и литературе первой половины XX в. Полемика Н. Хомского с Р. Якобсоном о природе языковых аномалий, развернувшаяся в начале 1950-х, является своего рода критическим моментом, разделяющим две разновидности мышления о языке — русской, с одной стороны, и англо-американской, с другой. Различия между двумя ветвями сохраняются и во второй половине века. На примере некоторых литературных направлений и лингвистических учений нами показывается установка русской мысли о языке на мотивацию языкового знака, его синтетизирующую связанность с миром вещей и ориентированность англо-саксонской традиции на арбитранность знаков и структур в языковой деятельности, их аналитизм.

В нашей предыдущей книге [Фещенко 2009] были выявлены параметры языкового эксперимента как способа работы с языком в авангардной культуре на примере трех русских авторов (А. Белый, В. Хлебников, А. Введенский) и одного американского (Г. Стайн). В настоящей же книге анализируется, во-первых, более широкий временной и культурный пласт — фактически от начала до конца XX в., а во-вторых, меняется оптика исследования: нас интересуют языковые процессы, характерные для авангардных литератур (преимущественно русской и англо-американской), которые одновременно находятся на острие исследований лингвистов и философов языка. Мы выделяем четыре основных блока таких процессов, каждому из которых соответствует отдельная глава (при этом отдаем себе отчет, что этими процедурами отнюдь не ограничивается сфера контактов лингвистики и авангарда).

В главе 1 представлено несколько сюжетов, касающихся теории и практики глоссолалии в европейской и русской культуре. Семантизация асемантического и десемантизация

семантического выступает здесь языковой стратегией в литературном эксперименте (Э. Смит, А. Арто, А. Белый, А. И. Зданевич, А. Туфанов) и научном анализе филологов (Ф. де Соссюр, И. Бодуэн де Куртенэ, Д. Коновалов, В. Шкловский, Р. Якобсон, Т. Тодоров). Глава 2 посвящена мультилингвизму как литературной стратегии авангарда и универсализации языка как предмету лингвистических исследований. Героями этой главы являются В. Хлебников, Дж. Джойс, Ю. Джолас, В. Кандинский, С. Беккет и некоторые другие авторы, практиковавшие многоязычные эксперименты с языком. Обсуждаются также труды лингвистов и философов, проблематикой которых выступают универсальные языки либо межъязыковые взаимодействия (Ч. Огден, В. Беньямин). Предметом главы 3 служит языковой и семиотический процесс гибридизации. Рассматриваются характерные примеры языковых и семиотических гибридов в визуальных стихах Ст. Малларме и Г. Аполлинера, поэзии и прозе Э. Э. Каммингса сквозь призму теории языковых гибридов М. Бахтина и других ученых. Наконец, в главе 4 мы останавливаемся на процессе концептуализации в том виде, в каком он фигурирует в западном (М. Дюшан, Ф. Пикабиа, Б. Браун, С. ЛеВитт, Дж. Кошут, Я. Х. Финлей) и русском (И. Кабаков, Д. Пригов, А. Монастырский, Р. и В. Герловины) концептуальном искусстве, с одной стороны, и в лингвоаналитических трудах философов языка (Л. Витгенштейн, С. Аскольдов, Ю. Степанов), с другой.

Основные главы книги обрамляются и разрезаются вставными главами, возможно, несколько сбивающими линейность изложения, но при этом ставящими попутные проблемы, не относящиеся напрямую к содержанию основных четырех глав. Сюжетами интермедий стали метапроблемы, связывающие весь остальной материал книги в общие идейные узлы, как то: идея о революционизации языка, идея авангарда как идеологической коммуникации, идея о превращении языка в объект и вещь, а также идея языковых аномалий. В качестве вступления к книге помещен текст о понятии революции в контексте литературного авангарда и научной лингвистики. Тем самым мы отдаем дань исторической дате — столетию февральских и октябрьских событий

1917 г. — и вместе с тем обсуждаем по существу важный для темы книги вопрос об отношении авангарда и революции в лингвистическом ракурсе. Следующий за этим очерк о соотношении понятий «искусства» и «языка», имеющем свою предысторию и актуализирующемся именно в эпоху авангарда, служит «началами» дальнейшего анализа. Продолжениями анализа, перемежающимися основными главами, являются очерки о понятии идеологии применительно к языку русского авангарда; об «объективизме» как направлении в американской поэзии и о природе языковых аномалий в научном освещении. Заключение к книге отсутствует, поскольку основные установки, положения и намерения изложены во вступительной главе, а перспективы дальнейших исследований по интересующей нас теме намечаются в соответствующих главах. Список литературы является общим для всех глав и очерков и приводится в конце книги. По возможности мы приводим год первой публикации источника или критической работы, поскольку историческая привязка в нашей ситуации особо значима. Литературные источники при этом идут единым списком с научной литературой, ибо и те и другие рассматриваются в данной книге как равноправные объекты исследования.

Книга готовилась порядка десяти лет, и на разных этапах ее созревания в процессе научного и творческого обмена со мной принимали участие коллеги, которых хотелось бы здесь поблагодарить: Н. М. Азарова, В. В. Аристов, П. А. Арсеньев, С. Ю. Бочавер, Д. М. Бреслер, А. В. Вдовиченко, Т. Д. Венедиктова, Д. Иоффе, Е. М. Князева, О. В. Коваль, Э. Ландольт, Н. Лао, В. И. Постовалова, С. Г. Проскурин, Э. Райт, А. А. Россомахин, П. Серио, И. В. Силантьев, Н. А. Фатеева. Отдельная неизмеримая признательность — моим рецензентам В. З. Демьянкову и О. В. Соколовой, которые для меня — гораздо больше, чем просто рецензенты.